

УДК 808.2
ББК 81.2Рус-3 81.23*

М.А. Голованева

**МЕТАФОРИЧНОСТЬ
РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДРАМЫ КОНЦА XX ВЕКА.
КОММУНИКАТИВНО-
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Излагаются результаты анализа драматургических текстов политической тематики конца XX в. Автором выявлено 20 основных метафорических моделей на основе когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, дескриптивной теории метафоры А.Н. Баранова. Сделан вывод о метафоричности языка политической драмы конца XX в.

Ключевые слова: *драма, метафора, метафорическая модель, коммуникация, когниция, дискурс.*

Голованева Марина Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка филологического факультета Астраханского государственного университета
Тел.: 8-927-566-00-29
E-mail: yarrow@inbox.ru

Конец XX в. (1985 – 2000 гг.), охарактеризовавшийся в социально-политической жизни страны сломом государственности и поисками её новых форм, экономическим коллапсом, строительством новой системы этических и эстетических координат в искусстве и языке, наложил явственный отпечаток на литературу этого периода. Драматургия, как особенно чувствительный к языку литературный пласт, активно впитывала язык новой эпохи. Политическая драма выделилась заметной, нарочитой метафоричностью. Пьесы о русской революции 1917 г., сталинских репрессиях, политических спорах, антифашистских настроениях в стране и за рубежом предоставляют богатый материал для выявления коммуникативно-когнитивной роли метафоры в формировании и функционировании драматургического дискурса.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием работ по данному вопросу, несмотря на то что внимание к языку драмы велико: он изучался в фундаментальных трудах Г.О. Винокура, Т.Г. Винокур, В.В. Виноградова, И.П. Зайцевой, И.И. Ковтуновой, Н.А. Кожевниковой, Б.А. Ларина, В.А. Лукина, Г.Г. Полищук, В.А. Садиковой, Н.В. Черемисиной. Драматургический дискурс рассматривался в исследованиях Е.С. Кубряковой, О.В. Александровой, Т.В. Богдановой, Л.Ю. Веретёнкиной, Я.В. Боргер, Н.В. Глущенко, В.И. Лагутина, И.Р. Каримовой. Однако метафора в политической драме отграниченного периода с коммуникативно-

когнитивных позиций ещё не изучалась, что явилось целью данного исследования.

«Метафора – перенос по сходству» [Москвин, с. 396], и как языковое средство, обладающее уникальной способностью пронизывать собой все функциональные стили, все идейно-тематические типы текстов, также «превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [Чудинов, 2008, с. 122]. Поэтому не случайно, что политическая драма есть поле активнейшего функционирования метафоры.

Политическая метафора глубоко исследовалась в известных и весьма основательных трудах А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1994], А.Н. Баранова [2003а, 2003б, 2004], А.Н. Баранова и соавт. [2004, 2006], И.М. Кобозевой [2001], Т.Г. Скребцовой [2002], Ю.Б. Феденёвой [1997], А.П. Чудинова [2000, 2001, 2008] и др.

Отталкиваясь от мысли, что метафора является одной из главных когнитивных операций как способ познания, категоризации, освоения мира, логично утверждать, что в отграниченный период, на пике социально-исторического слома, метафора стала в искусстве драматургического слова способом обозначения многих совершенно новых и поэтому непонятных явлений или, напротив, хорошо знакомых и поэтому легко дешифруемых читателем. В данной работе к анализу не привлекались случаи стёртых метафор, несмотря на то что, по мнению Дж. Лаккоффа, «большая часть обычной понятийной системы человека структурирована с помощью метафор» (цит. по: [Гальперин, с. 93]), а также метафоры, не относящиеся к политической сфере.

Коммуникативная функция метафоры чётко определена, и мощь её действия особенно заметно выявляется там, где в драматургический дискурс вступает сознание не идеального, а массового или даже случайного читателя, неглубоко знакомого с изображаемой эпохой, не имеющего исторических, культурных и литературных пресуппозиций, активизированных автором. «Сила метафоры, её “голубая кровь” (А.Н. Баранов) заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определённой и неопределённостью, в известной условности и вместе с тем в особой значимости метафорической концептуализации мира» [Чудинов, 2008, с. 126]. Именно эта сила уменьшает коммуникативно-когнитивные усилия читателя и одновременно, в связи с её огромным эмоциональным, экспрессивным потенциалом, оказывает прагматическое воздействие на него, заставляя «перекраивать» политическую картину мира.

Из 44 анализируемых драматургических текстов только три имеют заглавия, содержащие в себе метафору: «Чёрный человек, или Я бедный Сосо Джугашвили» (В. Коркия), «Диктатура совести» (М. Шатров), «Железный занавес» (В. Котенко). Однако метафорическому переосмыслению подвергаются и другие названия в процессе вступления в дискурс сознания читателя, например: «Верёвка» (А. Козак), «Сдвиг по фазе» (М. Казовский), «Последний посетитель» (В. Дозорцев) и др.

В условиях «максимального текстового напряжения», в сильной позиции заглавия метафора оказывает большое давление на когнитивные процессы читателя даже в том случае, когда до начала чтения читатель не может классифицировать название как метафору. Инерционная «оглядка» на название ещё до окончательного прочтения позволяет убедиться в наличии авторского замысла. В случае распознавания этого замысла можно считать в определённой мере успешным овладение читателем «содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информацией текста» [Гальперин, с. 27 – 28].

Опираясь на теорию метафорического моделирования Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон], рассмотрим политическую метафору русской политической драмы конца XX в. с целью выявить наиболее частотные, действенные модели. «*Метафорическая модель* – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: “X – это Y”» [Чудинов, 2008, с.131]. Сфера-источник (то, что сравнивается) устойчиво сравнивается с тем, что является сферой-целью. Именно частотность подобного сравнения порождает модель. В анализируемых текстах выявлено 4 наиболее активных метафорических модели:

1) «Политика – это война, убийство, насилие» – примеры: «Кудреватых. *Под сурдинку нового поветрия твои сатрапы и правым и виноватым головы отворачивают...*» (Н. Мирошниченко «Фанатик»); «Кривцов... *Крови – нет... Мне крови, Михалыч, не надо...*» (К. Щербаков «Случай из газетной практики»);

2) «Политика – это грязь» – примеры: «Грошина... *По ночам выхожу из камеры и гуляю по коридорам. Всё вижу. Как людей избиваете, как втаптываете в грязь их веру в Советскую власть!*» (А. Ставицкий «Трагический поединок»); «Кочнев... *Сколько грязи вылезло, анти-советчины..... вот вы и вместе в одном болоте.*» (А. Хазанов «Холодный дом»);

3) «Политика – это игра» – примеры: «Ленин (Сталину и Троцкому). ... Но это уже не политика, а азартная игра! Ленин. *Бросьте, Сталин! Вы прекрасно понимаете, что моё появление в Смольном положило бы конец вашим играм в ожидание съезда... Но извольте обсуждать, а не замалчивать, извольте спорить, а не делать шахматные ходы... Наступает сегодня, и начинаются шахматы Троцкого...*» (М. Шатров «Дальше...»);

4) «Политика – это движение» – примеры: «Артелин. ...*Куда мы катимся? Где остановимся? Кольмов. Зачем останавливаться? Мы пойдём вперёд. Это вы нас чуть было обратно в капитализм не затянули; Эрик. ... А главный смысл в том, что при любой политике лифты ломаются и люди застревают между этажами*» (А. Хазанов «Холодный дом»); Ленин. ... *Вот здесь есть возможность для блока: эти*

тянут назад, а эти топчутся на месте, а в революции шаг на месте – это уже три шага назад...» (М. Шатров «Дальше...»).

Помимо этого, определено ещё 16 постоянных моделей, функционирующих во многих текстах (ввиду необходимости сжатого изложения, приведём далее названия выявленных моделей без иллюстраций): «Политика – это мир живых и мёртвых феноменов»; «Политика – это театр»; «Политика – это зоомир»; «Политика – это торговля», «Политика – это стихия», «Политика – это разрушение и строительство», «Политика – это армия», «Политика – это путь к смерти», «Политика – это мир авторитетов», «Политика – это дом, здание», «Политика – это головоломка, решение задач», «Политика – это растительный мир», «Политика – это опьянение», «Политика – это поле деятельности машин и механизмов», «Политика – это клерикальная сфера», «Политика – это преодоление преград» – и ряд единичных метафор, созданных по редким, малоупотребительным в драме конца XX в. моделям, например, по модели «Политика – это место физического истребления врагов»: «Мужчина. *Как ты пишешь в своём письме? «Моя дочь Римма может вспомнить отдельные эпизоды революции... царскую тюрьму»... В тюрьме советской. Перед которой твоя царская тюрьма – просто санаторий...*» (Э. Радзинский «Последняя ночь последнего царя»).

А.Н. Барановым разработана дескриптивная теория метафоры на материале исследований политического дискурса конца XX в. [Баранов, 2003б, 2004], а также сделан вывод, что для русского политического дискурса эпохи перестройки характерно порядка 50 наиболее частотных моделей, и названы их основные группировки: «для русского политического дискурса эпохи перестройки выделяются следующие констелляции: рационального (строительство, механизм, транспорт, объект-предмет); конфликта (война, игра, спорт); органических метафор (организм, растение-дерево, медицина); нереального (религия-мифология, театр, сверхъестественное существо); неконтролируемости (погода, река, жидкость)» [Баранов, 2003б, с. 3]. Как видим, большая часть метафорических моделей реализуется в текстах анализируемых пьес, что свидетельствует о высокой степени достоверности изображаемого, когнитивных усилиях драматургов по реконструкции действительности в художественных произведениях.

Иллюстрации ведущей модели «Политика – это война, убийства, насилие» многочисленны, приведём некоторые: «Керенский. ... *Я сожалею, что не умер пять месяцев назад. Я бы умер с великой мечтой, что мы умеем без хлыста и палки управлять своим государством...*; *Путей соглашения с большевиками нет, дальнейшая отсрочка боя опасна, надо железной рукой принудить большевиков покориться...*; Корнилов.... *Беспредельная любовь к гибнущей Родине повелевает нам оставаться на посту и вырвать отечество из липких рук*; Керенский. *Поднимаю руку на меня, они поднимали руку на демократию в России!*; Деникин (Керенскому). *Признайтесь хоть здесь, что вы всегда думали не о России, а о себе. ... петлю на своей шее вы затягивали собственны-*

*ми руками...; Ленин. ... Вопрос сейчас стоит так: либо сложить руки на груди и ждать, пока задушат революцию, либо рвануться вперёд; Роза.... конечно, если политическая жизнь в стране будет задушена...; Ленин. ... если бурлящая жизнь будет убита страхом и замечена казармой, мы столкнёмся с самым страшным вопросом: «зачем?»; Зиновьев (Сталину). ... Если вы так хотите нас убить – убейте без шума, но не заставляйте старых большевиков признаваться в том, что они были бандой убийц... вы хотите изобразить нас беспринципными уголовниками; Струве. ... даже если учесть ваш Октябрь, русский человек всё равно не меняется – рабство вбито в него накрепко; Спиридонова. ... мы убили политическую оппозицию в России и создали для большевиков невыносимые, развращающие условия для существования. Бесконтрольная власть погубит и святого; Ленин. ... мы собираемся все вместе, общий язык находится сразу, мы едины, мы демократически обсуждаем и принимаем решение о восстании. Зиновьев и Каменев стреляют в спину; Сталин. ... Мужик объявил нам войну. У нас не оставалось иного выхода, как победить в этой войне.» (М. Шатров «Дальше...»). Метафорически сближать сферы политики и войны, политики и убийства, политики и насилия позволяют признаки противостояния, агрессивности, захватнических целей, превалирования силы и протеста против насилия. Так, в метафоре из пьесы К. Скворцова «Курчатов» противопоставлены ядерный меч одной стороны и ядерный щит другой стороны; стремление поставить на колени мир одной стороны и стремление, чтобы наша бомба была щитом другой стороны. Позиции агрессии и защиты сближают данную метафору с военным конфликтом, поэтому понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов в сфере-цели. Дискурсивная характеристика модели складывается из типичных для соответствующих метафор концептуальных векторов: концепты «Враг», «Бить», «Убить», «Душить», «Бой», «Атака», «Защита», «Война» преобладают при объективации лексикой метафор концептуальных смыслов (А.Н. Баранов называет этот набор понятий, образующих метафорическую модель, «сигнификативными дескрипторами данной метафорической модели», а «сама метафорическая модель – это множество кортежей сигнификативных (для области источника) и денотативных (для области цели) дескрипторов, которые описывают область источника и область цели метафорической проекции» [Баранов и др., 2004, с. 7]). Эмотивные характеристики данных метафор всегда отрицательные: возбуждая в сознании реципиента-читателя и в его эмоциональной сфере отрицательно окрашенные структуры, подобные метафоры вызывают у него неприятие отражаемой общественной сферы. Противоположная эмоциональная окрашенность тоже возможна (однако предельно редко, поэтому очевиден диктат отрицательного): Лобанов. *А представлялась она [революция] нам всем одинаково: светлым, чистым праздником вечной свободы, счастья, которое мы щедро разделим на всех, беспечальной чередой радостей...* (Ю. Эдлис «Тройка»). Отсюда – праг-*

матический эффект: существующая социально-политическая ситуация, отражаемая в драме, когнитивно переживается читателем в заданном автором направлении. Таким образом, политическая метафора как языковое средство в политической драме есть одновременно и мощное коммуникативно-когнитивное средство, определяющее русло движения читательского сознания под влиянием авторского. Продуктивность данной модели весьма велика. При этом метафора способна как оставаться предельно свёрнутой: «Керенский. ... я знаю силу человеческого невежества – не только наших низов, но и всего русского общества: свобода им не нужна, им нужен кулак!» (М. Шатров «Дальше...»), так и становиться максимально развёрнутой: «Автор. **Стал щит мечом... Они хотят // Поставить на колени мир. А мы // Добиться сможем, чтобы наша бомба // Была щитом и заслонила нас // От ядерного их меча?**» (К. Скворцов «Курчатов»). Частотность метафор данной модели в анализируемых тестах весьма неравномерна. В некоторых её присутствие концентрированно (М. Шатров «Дальше...», А. Хазанов «Холодный дом», Н. Мирошниченко «Фанатик»), в других примеры единичны. Однако общее количество составляет абсолютное большинство из выявленного состава метафор.

А.П. Чудинов отмечает, что «в понятийном поле "Политика" выделяются следующие фреймы: субъекты политической деятельности, политические организации, политические институты, политическая деятельность, отношения между субъектами политической деятельности и т.п.» [Чудинов, 2008, с. 134]. Метафора политической драмы конца XX в. выдвигает на первый план политическую деятельность и отношения между субъектами политической деятельности. Ословление концепта «Политическая борьба» происходит при помощи следующих глагольных лексем и фразеологических оборотов: *управлять* (государством); *принудить покориться* (большевиков); *вырвать из рук* (отечество); *поднимали руку* (на демократию); *затягивали петлю* (на своей шее); *задушат* (революцию); *будет задушена* (политическая жизнь); *будет убита* (бурлящая жизнь); *вбито* (рабство в него); *убили* (оппозицию); *погубит* (власть и святого); *стреляют* (в спину); *объявил войну* (мужик); *чуть не загубили* (социализм) и др. Отмеченные единицы свидетельствуют о непримиримости сторон, остроте политических баталий, отражаемых в пьесах отграниченного периода. Данная метафорическая модель в силу своего преобладания над остальными и в силу включённости в её лексический материал (в границах политической драмы конца XX в.) единиц предельно экспрессивного характера, свидетельствует о масштабности и остроте социально-политических процессов в России конца XX в., отражаемых драмой.

Таким образом, данная работа на основании анализа большого количества текстов эмпирически (выявлением 20 основных метафорических моделей) подтверждает положения когнитивной теории метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона и её продолжение в дескриптивной теории метафоры А.Н. Баранова, исследованиях А.П. Чудинова и других рабо-

тах. Научная новизна исследования заключается в определении значительной коммуникативно-когнитивной роли метафоры в формировании дискурса русской политической драмы 1985–2000 гг. Многочисленность и тематическое разнообразие определённых нами метафорических моделей свидетельствует об общей метафоричности языка политической драмы конца XX в.

Литература

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафор // Диалог. Протвино, 2003а.

Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Изв. РАН. Серия Литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1.

Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // ВЯ. 2003б. № 2.

Баранов А.Н. и др. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М., 2004.

Баранов А.Н. и др. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики ('Взаимоотношения бизнеса и власти', 'коррупция'). М., 2006.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М., 2008.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : терминологический словарь. Ростов н/Д., 2007.

Скребцова Т.Г. Метафоры современного русского внешнеполитического дискурса // Respectus philologicus. 2002. № 1(6).

Феденёва Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

Чудинов А.П. Метафорическое моделирование образа России в современном агитационно-политическом дискурсе // Язык. Система. Личность : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2000.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2008.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1.